

Нас упрекают⁸⁹

Нас упрекают либеральные консерваторы в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно.

Нас упрекают свирепо красные демократы в том, что мы мирволим Александру II, хвалим его, когда он делает что-нибудь хорошее, и верим, что он хочет освобождения крестьян.

Нас упрекают славянофилы в западном направлении.

Нас упрекают западники в славянофильстве.

Нас упрекают прямолинейные доктринеры в легкомыслии и шаткости, оттого что мы зимой жалуемся на холод, а летом совсем напротив — на жар.

На сей раз только несколько слов в ответ последнему упреку.

Он вызван двумя или тремя признаниями, что мы *ошиблись*, что мы были *увлечены*; не станем оправдываться тем, что мы ошибались и увлекались со всей Россией, мы не отклоняем ответственности, которую добровольно взяли на себя. Мы должны быть последовательны, *единство* — необходимое условие всякой пропаганды, с нас вправе его требовать. Но, принимая долю вины на себя, мы хотим ее разделить с другими виновниками.

Идти по одной линии легко, когда имеешь дело с спетым порядком дел, с последовательным образом действия, — что трудного взять резкое положение относительно английского правительства или

---

⁸⁹ Статья «Нас упрекают» была написана в ответ проф. Б.Н. Чичерину, выступившему с резкой критикой «Колокола» с позиций умеренного либерализма. Впервые опубликована в «Колоколе» (1858. № 27).

французского императорства? Трудно ли было быть последовательным во время прошлого царствования?

Но мы этого *единства* не находим в действиях Александра II; он то является освободителем крестьян, реформатором, то заступает за николаевскую постройку и грозит растоптать едва восходящие ростки <...>

Как согласить облегчение цензурных пут и запрещение писать об освобождении крестьян с землею?

Как согласить амнистии, желания публичности с проектом Ростовцева, с силой Панина?⁹⁰

Фридрих II говорил, что он не боялся ни одного генерала так, как Салтыкова⁹¹, потому что никогда не мог догадаться за минуту вперед, какое движение он сделает; Салтыков все их делал зря.

Шаткость в правительстве отразилась в наших статьях. Мы, следуя за ним, терялись и, откровенно досадуя на себя, не скрывали этого. В этом была своего рода связь между нами и нашими читателями. Мы не вели, а шли вместе; мы не учили, а служили отголоском дум и мыслей, умалчиваемых дома. Ринутые в современное движение России, мы носимся с ним по переменному ветру, дующему с Невы.

Конечно, тот, кто останавливая надежду и страх, молча выждет результата, тот не ошибется. Надгробное слово — истории — гораздо больше предохранено от промахов, нежели всякое участие в совершающихся событиях.

---

⁹⁰ «Как согласить амнистии, желания публичности с проектом Ростовцева, с силой Панина?» — речь шла о проекте разделения страны на генерал-губернаторства в целях укрепления власти на местах. Панин — министр юстиции, реакционер, противник отмены крепостного права.

⁹¹ *Генерал Салтыков* — командующий войсками во время Семилетней войны, выиграл ряд сражений.

Доктринеры на французский манер и гелертеры на немецкий, люди, производящие следствия, составляющие описи, приводящие в порядок, твердые в положительной религии или религиозные в положительной науке, люди обдуманые, точные доживают до старости лет, не сбиваясь с дороги и не сделав ни орфографических, ни иных ошибок; а люди, брошенные в борьбу, исходят страстной верой и страстным сомнением, истощаются гневом и негодованием, перегорают быстро, падают в крайность, увлекаются и мрут на полдороге — много раз споткнувшись.

Не имея ни исключительной системы, ни духа партии — все отталкивающего, — мы имеем незыблемые основы, страстные сочувствия, проводившие нас — от ребячества до седых волос, в них у нас нет *легкомыслия*, нет *колебания*, нет *уступок*. Остальное нам кажется второстепенным; средства осуществления бесконечно различны, которое изберется... в этом поэтический каприз истории, — мешать ему неучтиво.

Освобождение крестьян с землею — один из главных и существенных вопросов для России и для нас. Будет ли это освобождение «сверху или снизу» — мы будем за него! Освободят ли их крестьянские комитеты⁹², составленные из заклятых врагов освобождения — мы благословим их искренно и от души. Освободят ли крестьяне себя от комитетов во-первых, а потом от всех избирателей в комитеты — мы первые поздравим их братски и также от души. Прикажет ли, наконец, государь отобрать именья у крамольной аристократии, а ее выслать, — ну хоть куда-нибудь на Амур к

---

⁹² «...комитеты, составленные из заклятых врагов освобождения» — имеются в виду губернские дворянские комитеты, разрабатывающие проекты отмены крепостного права.

Муравьеву⁹³, — мы столько же от души скажем: «Быть по сему».

Из этого вовсе не следует, что мы рекомендуем эти средства, что нет других, что это лучшие, совсем нет, — наши читатели знают, как мы думаем об этом.

Но так как главное дело, чтоб крестьяне были освобождены с землею, то из-за средств спора мы не поднимем.

При таком отсутствии обязательной доктрины, предоставляя, так сказать, самой природе действовать и сочувствуя каждому шагу, согласному с нашим воззрением, мы можем часто ошибаться, всегда будем очень рады, когда «ученые друзья наши», спокойно сидящие в сторожках на берегу, прокричат нам «правее или левее» держаться; но мы желали бы, чтоб и они не забывали, что им легче делать наблюдения над силой волн и слабостью пловцов, нежели нам плыть... и притом так далеко от берега.

Из-за стен доктрины, как из-за монастырских стен, сполугоря смотреть на треволение мирское. Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... *не увлекают других.*

Герцен А.М. Собр. соч. Т. 13. С. 361—363.

---

⁹³ *Муравьев* — генерал-губернатор Восточной Сибири